

Линь Цэ притворился больным, хотя на самом деле, полный сил, упражнялся в боевых искусствах на плацу.

Чтобы генерал успел подготовиться, личный телохранитель поспешно пришел с докладом. Никто не ожидал, что Се Синь будет действовать столь властно и бесцеремонно.

В глазах Линь Цэ на мгновение вспыхнул холодный, пронзительный блеск. Не проронив ни слова, он на ходу сбросил верхнюю одежду и широким шагом направился к спальне.

Чжуйсин опередил Чжуюэ, подхватил брошенный халат и плотно последовал за ним.

На главной аллее усадьбы Се Синь прогуливался не спеша, с беззаботным видом поглядывая по сторонам. Казалось, будто он — почетный гость, сердечно приглашенный хозяином дома, а не незваный визитер, ворвавшийся без спроса.

Двое телохранителей, с чьих лбов градом катился холодный пот, вынужденно плелись следом. Остановить его они не смели, а на вопросы приходилось отвечать, набравшись храбрости.

Уголки губ Се Синя тронула игривая улыбка, но тон был напористым:

— Куда ведет эта дорога справа?

— Сюда — к боковым флигелям. Сейчас там разместились наши солдаты.

— А слева?

— То же самое. Людей, которых привел генерал, в одном дворе не уместить.

Се Синь наклонил голову, глядя на развилку, уходящую на восток:

— А здесь?

— Это путь к плацу.

— К плацу?

Телохранитель пояснил:

— Это просторная площадка, устланная песком и каменными плитами, без построек. Генерал использует ее для ежедневных тренировок и стрельбы из лука.

Се Синь с любопытством приподнял уголки рта, явно проявляя живой интерес. Он снова с улыбкой спросил:

— А где живут супруга генерала и его наложницы?

— Докладываю господину чэнсяну, — даже бывалые воины, прошедшие через сотни битв, покрылись холодным потом под ледяным, давящим величием Се Синя, — генерал не женат.

— А наложницы и любимицы?

— Тоже нет. — Солдат выдержал этот взгляд, за которым скрывался острый нож, и отчитался перед молодым чэнсяном, чья власть простиралась на весь двор: — Генерал не женат, наложниц не брал, в поместье даже служанок нет. Единственная женщина здесь — его личный телохранитель.

— Личный телохранитель... — Се Синь слегка прищурил изящные глаза и повторил это слово, чуть сильнее выделив интонацией слово личный.

Он прошел вдоль главной аллеи, расспросив обо всех ответвлениях, и вскоре оказался перед дверью в покои генерала.

— Господин, — попытался остановить его телохранитель, — генерал болен и лежит в постели...

— Я знаю, — усмехнулся Се Синь. — Поэтому я и пришел лично навестить больного.

Не обращая внимания на уговоры, он толкнул дверь и вошел без приглашения.

Спальня была просторной и светлой. Мебели немного, но всё — из дорогого дерева, источающего аромат изысканности и благородства.

Линь Цэ, облаченный в нижнее белье из белого шелка, горделиво полулежал на кровати. Он холодно усмехнулся:

— Благодарю господина чэнсяна за визит.

Се Синь перевел тему:

— Эту усадьбу более трех лет назад приказал построить сам император Сюанью. Как расставить мебель — за всё отвечал лично Его Величество. Чертежи дворца в свое время даже показывали мне. Все чиновники тогда твердили, что Великий генерал, подавляющий Север, редко бывает в столице, к чему такая роскошь? Зачем строить дом высшего ранга, который будет пустовать? Не пустая ли это трата народных средств? Император был непреклонен. Его аргумент прост: подвиги генерала Линь Цэ в изгнании Бэйянь неоценимы, в столице должна стоять такая резиденция, чтобы подчеркнуть его заслуги и показать милость государя.

Се Синь со вздохом улыбнулся:

— Император редко совершает столь непонятные поступки, но он был крайне тверд, и мне пришлось убеждать весь двор. Все лишь сокрушались, что такие огромные деньги потрачены на пустующий дом. Хорошо, — он посмотрел на Линь Цэ, и его ясные глаза блеснули сталью, — теперь, когда генерал вернулся, усадьба наконец обрела свое предназначение. Должен ли я восхититься прозорливостью Его Величества?

Линь Цэ холодно наблюдал за ним, слушая длинную речь и не произнося ни слова. Уголки губ Се Синя поползли еще выше, и он зашагал к кровати.

Чжуйсин шагнул вперед, преграждая путь. Линь Цэ вовремя подал голос:

— Я недужен и боюсь заразить господина чэнсяна, надеюсь, вы не станете приближаться.

Се Синь обладал тонкими чертами лица, в суде он всегда носил черное официальное облачение, от него веяло книжной ученостью. Сегодня же он был в обычном халате с перекрестным воротом, выглядя как ученый муж, однако на поясе у него висел трехфутовый меч. Для отпрыска знатного дома, с детства изучавшего и литературу, и боевые искусства, ношение меча не было редкостью. Но между гражданским чиновником и настоящим воином — огромная пропасть в силе и духе.

Глаза Се Синя улыбались, но в этой улыбке прятался кинжал. В противостоянии с Чжуйсином он ничуть не уступал, выглядя не как кабинетный ученый, а как опытный мастер меча.

— Я пришел навестить больного, так что чем ближе, тем лучше. Даже если я заражусь — если я слегу в постель, как и генерал, это станет прекрасной историей о нашей искренней дружбе.

Его улыбающиеся глаза, в которых таилась острая сталь, смотрели поверх плеча Чжуйсина прямо на Линь Цэ, словно желая прожечь маску демона-цилия и заглянуть в самую душу.

— К тому же, я пришел сегодня, чтобы принести лекарство, которое мгновенно поставит вас на ноги.

Линь Цэ посмотрел на него глазами, сияющими из-за маски, и равнодушно ответил:

— Интересно, что за чудесное средство у господина чэнсяна?

— Завтра я устраиваю частный пир во Дворе Зеленого Бамбука. Приглашаю генерала посетить его.

— Но я же болен...

Се Синь перебил:

— На завтрашнем пиру будут и другие выдающиеся люди, среди них, конечно, и Хуай-ван. — Он хмыкнул: — Ну как, это достаточно сильное лекарство, чтобы исцелить генерала?

Линь Цэ сузил глаза, долго молча смотрел на него, а затем его губы изогнулись в тонкой улыбке:

— Благодарю за лекарство, господин чэнсян. Завтра я непременно буду.

— В таком случае, завтра во Дворе Зеленого Бамбука я буду ждать вас, генерал.

Се Синь остался доволен и откланялся. Как только он ушел, Чжуюэ сплюнула:

— Один — двуличный евнух, другой — улыбчивый тигр с иголками внутри. Почему в столице одни лишь коварные чудовища? Они даже хуже, чем Чжуйсин с его собачьим нравом.

Чжуйсин, обладатель этого самого нрава, злобно зыркнул на нее, но промолчал. Он лишь спросил Линь Цэ:

— Генерал, вы действительно собираетесь идти?

— Он пригласил Чжоу Цзэи, возможно, будут и другие принцы, — холодно усмехнулся Линь Цэ.
— Чтобы прочно сидеть на троне, поддержка семьи Се необходима. Если я не приду, он открыто заявит чиновникам, что Чжоу Цзэи не достоин быть императором. Как только он выступит против, все министры посмотрят на него, и шансы Чжоу Цзэи на престол станут призрачными.

А его тридцатитысячное войско лишь добавит хаоса и напряжения в столицу.

— Он сам пригласил меня, значит, у нас есть шанс перетянуть его на свою сторону. Завтра и я, и Чжоу Цзэи должны там быть. Юдэ, что это за место — Двор Зеленого Бамбука?

Сунь Юдэ задумался:

— Если память мне не изменяет, это увеселительное заведение.

Линь Цэ замер, слушая продолжение:

— Двор Зеленого Бамбука основан казной, все танцовщицы там — из реестра артистов. Жен и дочерей преступников-чиновников часто отдают в армейские лагеря или публичные дома, они попадают в этот реестр. Двор Зеленого Бамбука — это место, где чиновники предаются разврату.

Се Синь — чэнсян, глава всех чиновников, он должен быть образцом добродетели. Даже если он любит кутежи, он должен скрывать это. А он открыто приглашает императорскую родню и высших сановников в бордель — это просто неслыханно.

Линь Цэ беспомощно усмехнулся:

— Я никогда не бывал в таких местах. Говорят, столичные кварталы красных фонарей могут заставить забыть, и даже сталь там превращается в мягкость. Мне даже стало любопытно, что это за место, где тратят миллионы золотых.

— Генерал, — нахмурился Чжуйсин, — Се Синь замышляет недоброе, это ловушка. Вы так опрометчиво идете...

— Чего бояться? Это всего лишь поход в бордель, — равнодушно отмахнулся Линь Цэ. — Даже если это пир в Хунмэне, я все равно туда войду.

Луна поднялась над верхушками ив, в процветающем Шэнцзине зажглись тысячи огней.

Над мостом, украшенным цветами и зеленью, раздавались призывные звуки музыки из расписных теремов. С карнизов, крытых бирюзовой черепицей, свисали алые шелковые ленты, а красные фонари заливали улицу светом, словно днем, подчеркивая атмосферу роскоши и разврата. Гости стекались отовсюду, звуки песен и звон струн смешивались в дурманящую симфонию.

В этом шумном районе была одна тихая усадьба. Белые стены, освещенные яркими огнями окрестностей, выглядели изящно, а за ними виднелись зеленые бамбуки. Трудно было представить, что это место — публичный дом.

Двор Зеленого Бамбука был хорошо известен любителям ночных утех, но попасть туда мог не каждый. Это место принимало лишь высокопоставленных чиновников и богатейших купцов. Сегодня Двор был полностью арендован. У входа стоял отряд крепких стражников с мечами на поясах — судя по всему, слуги какого-то знатного рода, — они сурово следили за прохожими, не подпуская никого близко.

Широкая улица была странно разделена пополам. Одна сторона — безлюдная и холодная, другая — полная прохожих, спешащих мимо этого опасного места. Главные ворота были закрыты, но боковой вход в переулке был распахнут, повсюду висели фонари. У переулки выстроился ряд карет — дорогие породы дерева, золото и нефрит. Сразу было ясно: гости здесь — высшая знать.

Линь Цэ взял с собой лишь Чжуйсина и двоих телохранителей. Оставив карету в переулке, он приказал следить за обстановкой и направился к боковому входу.

Чжуйсин беспокоился, отпуская его одного. Се Синь недобр, это и правда могло быть западней.

Линь Цэ усмехнулся:

— Хочешь пойти со мной в бордель? Сегодня не выйдет, Се Синь пригласил важных сановников, мне не стоит брать тебя с собой. Если хочешь найти себе красавицу на ночь, — он указал на сверкающие вдали павильоны, — ищи себе место сам.

Глаза Чжуйсина расширились. Линь Цэ тихо рассмеялся:

— Не забудь оставить мне белого коня у входа.

Сказав это, он широким шагом вошел во двор.

<http://bllate.org/book/20257/2020368>